Луис Арсе: «Общинный социализм для Боливии — эффективная альтернатива неолиберализму»

Интервью с Министром экономики и государственных финансов Боливии

В Латинской Америке неолиберальная глобализация встретила, пожалуй, самое серьезное в мире сопротивление, в первую очередь в странах так называемого социализма XXI в. Боливия в ряду левых государств региона выделяется тем, что при президенте Эво Моралесе кроме курса на социализм объявила о возврате к индейским коммунитарным традициям, что вызвало у критиков сомнения в жизнеспособности этой модели, якобы не учитывавшей реалий современного мира. Вместе с тем боливийский социализм, похоже, консолидируется как вполне эффективная альтернатива неолиберализму. Аргументы в пользу этой модели приводит Министр экономики и государственных финансов Многонационального государства Боливия Луис Альберто Арсе Катакора.

Ключевые слова: неолиберализм, общинный социализм, бедность, российско-боливийские отношения, выборы 2014 г.

— Господин министр, какие достижения в экономической сфере Вы считаете главными за годы правления Эво Моралеса, и чем нынешнее правительство отличается от предыдущих?

— Главное наше достижение — это смена действовавшей с 1985 г. неолиберальной модели открытой рыночной экономики, основанной на разгосударствлении крупнейших предприятий, реформировании и приватизации госсобственности, поощрении иностранного инвестирования, в результате чего наиболее современные и развитые отрасли оказались в соб-

Луис Альберто Арсе Катакора родился в Ла-Пасе в 1963 г. Выпускник факультета экономики и финансов Университета Сан-Андрес и Института банковского дела. Получил степень магистра в Уорикском университете (Великобритания), где учился в 1996—1997 гг. С 1988 по 2006 г. Л.Арсе был сотрудником Центрального банка Боливии, прошел путь от специалиста по анализу рынка отдела международных финансов до начальника отдела международных операций. С первого дня работы правительства Движения к социализму (Movimiento al Socialismo, MAS) президента Эво Моралеса (январь 2006 г.) Арсе занимает нынешний пост.

ственности крупных ТНК. С 2006 г. в нашей стране реализуется новая экономическая модель. Правительство Э.Моралеса взяло курс на национализацию недр и стратегических отраслей экономики — нефтегазовую, горнодобывающую, металлургическую, энергетическую. Теперь государство — один из ключевых игроков в экономике. Основное направление государственных инвестиций — социально-экономическая сфера.

Эта модель применяется весьма эффективно: мы наблюдаем повышение темпов роста боливийской экономики, сокращение бедности и безработицы, рост объема международных валютных резервов. Это еще одно ключевое отличие от старой модели, которая была исключительно технократической.

— Боливия во многих международных отчетах называется одной из самых бедных стран Латинской Америки. Как Вы прокомментируете эти данные?

— Самой бедной страной Латинской Америки всегда была Гаити, а уже за ней шла Боливия. А если говорить о Южной Америке, то тут никуда не денешься: Боливия до недавнего времени действительно была беднейшей в регионе. Мы с самого начала ставили перед собой задачу изменить положение вещей, и с 2011 г., по данным ЭКЛАК, по показателям крайней бедности Боливия уже не самая бедная. И не потому, что следовавший за нами Парагвай стал беднее, чем был. В Парагвае в этом плане проделана большая работа. В 2005 г. численность бедных там составляла 27% населения, а у нас — 38%, т.е. в Боливии результаты политики борьбы с бедностью оказались ощутимее: к 2011 г. количество бедняков сократилось до 21%.

— Благодаря каким мерам?

— Во-первых, это процесс перераспределения доходов, выражающийся в первую очередь в субсидиях, которые называются «Хуансито Пинто», «Хуана Асурдуй» и «Достоинство»*. Во-вторых, перекрестное субсидирование села за счет города, когда тарифы на электроэнергию в городах чуть выше, чем в сельской местности, что выгодно последней. В-третьих, темпы увеличения заработной платы превышают темпы инфляции, благодаря чему растет покупательная способность населения. В-четвертых, законы о государственных инвестициях в социальную сферу, направленные, в частности, на улучшение образования и здравоохранения. Сегодня в Боливии больше учителей и врачей, чем раньше. Все это постепенно ведет к повышению уровня жизни граждан, сокращению бедности. Это данные ЭКЛАК, которые любой желающий может проверить.

«Хуансито Пинто» (Juancito Pinto) — субсидия в размере 200 боливиано, предназначена для детей и подростков, обучающихся в государственных школах. Названа по имени 12-летнего войскового барабанщика времен Тихоокеанской войны (1879—1883), погибшего в бою в 1880 г.

«Хуана Асурдуй» (Juana Azurduy) — субсидия предназначена для беременных женщин и женщин с детьми до двух лет. Условием ее получения является регулярное посещение врача во время беременности и в течение первых двух лет жизни ребенка. Названа по имени Хуаны Асурдуй — партизанки и героини борьбы за независимость от Испании.

«Достоинство» (Renta Dignidad) — субсидия в размере 250 боливиано, предназначена для пожилых людей в возрасте от 60 лет, не получающих государственных пенсий.

— Похоже, ситуация действительно меняется. А как бы Вы коротко описали экономическую историю Боливии за прошлые столетия?

— Проще не скажешь: это история грабежа. История разграбления природных богатств, которые не использовались на благо боливийцев. Наша же модель предусматривает не только добычу полезных ископаемых, но и их промышленную переработку, что ломает старую логику: экспортируй только сырье, а не готовую продукцию. Вот главные отличия сегодняшней нашей политики от прошлых лет, когда на природных ресурсах обогащались элиты и транснациональные корпорации.

— Один из предрассудков, существовавших в Старом Свете и который исторически разделяли латиноамериканские либеральные государства, заключается в том, что индейцы — «существа, слабые в экономическом и социальном отношении», требующие патерналистской опеки. Этот подход обусловил их исключенность, а патерналистские программы по всей Латинской Америке оказались неэффективными. Как эту проблему решает правительство Моралеса? Удалось ли добиться включенности индейцев?

— Это очень важный вопрос, который надо рассматривать сквозь призму политического процесса. В ортодоксальном социализме главным был рабочий класс, именно он должен был вести общество к социализму. В нашей стране строительство социализма — в руках индейцев и крестьян. Их требования отражены в Конституции 2009 г., в экономике, в социальной сфере. Это несколько напоминает, при всех отличиях, китайскую революцию и существенно отличается от всех остальных революций в истории. Кроме того, наша революция — это процесс демократический, а не захват власти с оружием в руках.

— Действительно, Моралес с самого начала объявил о существенных нововведениях «экзотического» характера. Это — коммунитарный, или общинный, индейский социализм. Внедрена ли эта концепция или Боливия в плане экономики идет по протоптанным другими странами дорожкам?

— В Конституции признано, что боливийская экономика является многоукладной. Это значит, что в нашей стране сосуществуют государство, традиционный капиталистический сектор, кооперативные общества, а также коммунитарная, или общинная, экономика. Это все те формы докапиталистического производства и коммерциализации, существовавшие в нашей стране среди индейцев и крестьян и прочно укоренившиеся в их культуре (такие, как общины «*айлью*» и трудовая повинность «*айни*», когда индеец строил свой дом или обрабатывал землю с помощью родственников). Несколько лет назад мы также приняли Закон о революции в производстве,

который был разработан совместно с Единой профсоюзной конфедерацией крестьян Боливии (Confederación Sindical Única de Trabajadores Campesinos de Bolivia, CSUTCB). В нем предусмотрены меры государственной поддержки крестьян и индейцев, а также меры, направленные на создание механизмов их автономного развития.

Сектор коммунитарной экономики постепенно обретает свое место. Раньше он был абсолютно маргинален, исключен из экономики, так как не соответствовал неолиберальной логике. Мы эту логику изменили. Государство теперь — главная движущая сила экономики, и оно учитывает крестьянский сектор. В 2006 г. запущена программа механизации сельского хозяйства, в рамках которой индейцам-крестьянам выдавались трактора. В результате увеличилась производительность труда, что, в свою очередь, привело к росту доходов крестьян. Именно на селе наша работа была особенно успешной. В 2005 г. уровень бедности там составлял 63%. Мы снизили этот показатель до 40%.

Наше правительство работает на благо всех, но, думаю, что именно крестьянство — один из главных бенефициаров нашей политики.

— По распространенному мнению Боливия разделяет доктрину «социализма XXI в.». Так ли это, и если да, то каковы ее отличия от социалистических моделей СССР, Китая, Кубы?

— Я бы сказал, что у Боливии — боливийский социализм. Наш, собственный, в котором находят отражение все черты боливийской экономики, — многоукладность с присущей многонациональному и мультикультурному обществу социальной структурой. Поэтому наш социализм, очевидно, отличается от советского, кубинского и китайского социалистических проектов, а также от «социализма XXI в.», провозглашенного команданте Уго Чавесом. В каждом из этих случаев социализм обладает особыми чертами, которые мы уважаем, ведь каждая страна должна прежде всего думать о своем населении, решать его проблемы. Мы делаем то же самое — в соответствии с нашими реалиями.

В Боливии на переходном этапе строительства социализма сохраняется традиционный частный сектор, капитализм, мы уважаем частную собственность. Но это переход к социалистической экономике, где государство будет доминирующим игроком. При этом мы отдаем себе отчет в том, что государство не может взять на себя 100% всей экономической деятельности: есть сферы, в которых частные предприятия работают эффективнее. А государство должно выполнять контролирующую функцию, заниматься планированием. В этом смысле интересно наблюдать за процессом на Кубе, которая начала строить социализм, доверив государству все 100% экономики. И что же мы видим сегодня? Система становится более гибкой, допускается частная инициатива, в первую очередь малое предпринимательство. Считаю эту тенденцию очень показательной. Роль частной инициативы особенно важна для боливийской экономики, где малые предприятия и семейные фирмы еще до неолиберализма служили средством выживания многих боливийцев. Поэтому мы не можем не учитывать этот сектор.

Случай СССР очень интересен и поучителен, мы внимательно его изучали. Китай ищет большей дополняемости экономики за счет иностранных инвестиций. Мы также считаем, что на данном этапе нам необходимы иностранные инвестиции для развития производства, которое капиталистиче-

ская система в нашей стране в свое время не развивала. Как видите, отличия есть. Но мы, безусловно, извлекаем уроки из опыта социализма в СССР, в восточных странах, на Кубе.

— Многие критики социализма объясняют кризис в Венесуэле именно этой, по их мнению, ошибочной моделью экономического развития. Как ваше министерство защищает Боливию от подобных рисков?

— То, что происходит в Венесуэле, следует изучать очень тщательно. Прежде всего хочу отметить, что инфляция в этой стране всегда, еще задолго до Чавеса, была серьезнейшей проблемой. Показатели инфляции там всегда обозначались двузначным числом — даже тогда, когда в других странах Латинской Америки инфляция обозначалась однозначным числом. Правые правительства так и не смогли справиться с этой проблемой, и она досталась в наследство Чавесу. Поэтому нельзя приписывать этот кризис исключительно результатам правления Чавеса и Мадуро или их социалистическому проекту.

Что касается Боливии, то мы сделали упор на модель, которую называем социально-экономической коммунитарной производственной. Поясню эти четыре элемента. Это экономическая модель, потому что наша основная задача — стабильность экономики, которая больше всего волнует общество. При этом наша экономическая модель неразрывно связана с социальной сферой. Это ее ключевая характеристика: мы не технократы, социальная сфера должна идти рука об руку с экономикой. Напомню всем критикам венесуэльского социализма: если экономика не в состоянии решить проблем общества, то она никуда не годится.

Определение нашей модели как коммунитарной, или общинной, связано с двумя моментами. Во-первых, мы ставим общественное выше индивидуального. Капитализм — экзальтация индивидуализма, мы — антитезис этого. Мы стремимся к тому, чтобы общественное в сознании людей было важнее индивидуального. Во-вторых, слово «коммунитарный» связано с высвобождением культурных ценностей и потенциала наших индейских общин и народов. К счастью, несмотря на действовавшую в течение долгих лет неолиберальную модель, многие ценности в индейских общинах сохранились, и сегодня мы принимаем их в расчет.

Наконец, наша модель производственная. Думаю, что успешное развитие Боливии связано как раз с тем, что с первого дня работы в 2006 г. мы сделали акцент на теме производства. Наша цель — превратить Боливию в страну производителей. Мы хотим изменить менталитет. Раньше мы были страной торговцев. К примеру, в прошлом до 80% объема кредитования финансовой системой шли на торговлю. Мы стремимся к тому, чтобы хотя бы 60% сегодня шли в производство.

— Какое место в Вашей работе и в Ваших взглядах занимает опыт СССР? Какие авторы кажутся Вам наиболее интересными?

— Прежде всего хочу сказать, что опыт СССР чрезвычайно интересен и поучителен для нас раз уж мы взялись строить социализм. Две книги, которые я всегда рекомендую во всех университетах Латинской Америки, — это «Развитие капитализма в России» и «Государство и революция» В.И.Ленина. Считаю эти работы основополагающими. А вообще мы читали и Троцкого, и Бухарина, чьи труды важны для понимания того, как формировался социалистический дискурс тех лет. Мы читали даже пере-

писку Ленина, которая вдохновила многих наших политиков. Социализм СССР очень поучителен для нас, он учит нас тому, что надо делать, и показывает, в чем мы должны быть осторожны, чтобы не совершать ошибок.

— Господин министр, как вы оцениваете отношения между Боливией и постсоциалистической Россией? В чем их можно улучшить, и возможно ли стратегическое партнерство между нашими странами?

— Бывший СССР, а затем Россия всегда занимали важное место в международной повестке нашей страны. Если говорить о нынешнем времени, то надо отметить, что Эво Моралес поддерживает тесные связи с президентом Владимиром Путиным. Современная Россия, наряду с Китаем, будучи одним из ключевых центров глобальной политики, играет чрезвычайно важную роль на международной арене, выступая гарантом многополярности современного мира. И Боливия, считая необходимым диверсифицировать внешние связи, стремится к тесным отношениям с Россией.

Несколько лет назад мы довольно большой делегацией ездили в Москву, чтобы установить контакт с российскими лидерами и обсудить возможность получения кредитов для развития тех отраслей экономики, которые наше правительство считает стратегическими.

Россия — крупный производитель газа, как и Боливия. Мы можем сотрудничать в сфере энергетики. Кроме того, нас интересует поддержка Москвы в модернизации нашей армии. В первую очередь мы заинтересованы в покупке российских вертолетов. Возможностей для сотрудничества много, и нам бы хотелось их реализовать.

— И последний вопрос. С чем правительство Моралеса идет на президентские выборы конца 2014 г.?

— Думаю, боливийцы должны оценить социально-экономическую и политическую стабильность, которую мы дали стране за восемь лет. Доходы растут, что влечет за собой бóльшие блага для общества. В социальной сфере главный итог — снижение бедности на селе. Ситуация кардинально отличается от той, что была девять лет назад. Сегодня в сельской местности идет строительство, население активно занимается экономической деятельностью, все больше крестьян получают доступ к электричеству и питьевой воде. С 2006 г. сделано довольно много, и надеемся, что большинство избирателей дадут нам положительную оценку и проголосуют за нас.

Беседу вел А.Л.ЧЕРНЫШЕВ
(aleksey.chernyshev@gmail.com)